

УДК 821.161.1.09-31+929Сорокин

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ В. СОРОКИНА И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПОВЕСТИ «ДЕНЬ ОПРИЧНИКА»

А. М. Лобин

Ульяновский государственный технический университет
E-mail: amlobin@yandex.ru

В статье исследуются значимые составляющие художественной картины мира В. Сорокина: идея «русской метафизики» и «исторической травмы». Универсальная мифологема опричнины служит главным средством их художественной репрезентации.

Ключевые слова: современная антиутопия, мифологизация истории, творчество В. Сорокина.

V. Sorokin's Concept of History and Its Artistic Representation in the Novel *Day of the Oprichnik*

А. М. Лобин

The article researches the meaningful components of V. Sorokin's artistic world picture: the idea of the 'Russian metaphysics' and 'historic trauma'. The universal mythologem of oprichnina serves as the main means of their artistic representation.

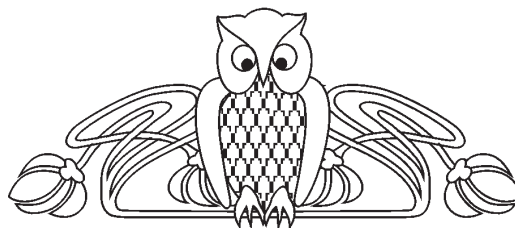
Key words: modern dystopia, mythologization of history, V. Sorokin's oeuvre.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-109-113

В антиутопической повести «День опричника» В. Сорокин вновь исследует сквозные для его творчества темы человеческой природы, происхождения зла и насилия, а также феномена тоталитаризма¹. В этом произведении они рассматриваются в аспекте историческом, так как автору удалось совместить предсказываемое будущее, критически оцениваемое настоящее и мифологизированное прошлое.

В «Дне опричника» представлена Россия 2027 г., отгороженная от остального мира Великой Русской Стеной. Основными чертами нового строя стали самодержавие, коррупция и всевластие карательных органов. Главные статьи государственного бюджета: продажа природного газа и таможенные пошлины с транзитных китайских товаров.

Такое описание близкого будущего содержит множество аллюзий на современность и одновременно отсылает к прошлому: «...узнаваемые черты путинской России перенесены в будущее с тем, чтобы показать их сверхдетерминированность прошлым. Выбранное прошлое, феодальный порядок времен Ивана Грозного, забавно сочетается с видеотелефонами и суперкарами (все, конечно, изготовлено в Китае). С грустным правдоподобием Сорокин показывает возможность регресса постсоветской современности к далекому рус-

скому средневековью», – так охарактеризовал ее содержание А. Эткинд².

Свой замысел автор объяснил следующим образом: «... я произвел для себя некий мысленный опыт. Что будет, если изолировать Россию от мира – если предположить, что будет выстроена Великая русская стена по образцу Великой китайской? России некуда будет погружаться, кроме как в свое прошлое. Это будет вызвано идеологической потребностью, поскольку все героические образы для массового сознания в прошлом, в глубоком прошлом. Но без современных технологий такая идеология будет нежизнеспособна. Поэтому, собственно, из моего умозрительного опыта и выводится такая формула – человек в кафтане, разъезжающий на “Мерседесе” с водородным двигателем»³.

Для оценки результатов этого «мысленного опыта» необходимо, прежде всего, ответить на вопросы: откуда возникла идея изоляции России от остального мира, почему в качестве «героического образа» из «глубокого прошлого» выбрана именно эпоха опричнины и какие аспекты опричного дискурса актуальны для художественной картины мира В. Сорокина?

Идея изоляции продолжает традицию понимания России в качестве уникального геополитического и культурного феномена. Автор в своих интервью вполне определенно высказывался на тему «русской метафизики»: «...место, которое мы называем Россией, обладает уникальной метафизикой... магия географии, русская сакральность, анархия и деструктивность, – вот это все и образует для меня понятие “русская метафизика”»⁴.

Выбор опричнины в качестве национального мифа также не случаен. Опричный миф стоит в одном ряду со Смутой, революцией, культом личности и т. п., но имеет собственную специфику. В общественном сознании опричнина из конкретного исторического события превратилась, прежде всего, в символ государственного произвола, террора и неконтролируемого насилия. Такое ее понимание основано на этической оценке методов проведения этой административной реформы. Действия опричников отличались крайней жестокостью даже по меркам того времени и сопровождались многочисленными злоупотреблениями: «... новые Дворяне, которые из нищих сделались большими господами, хотели пышностью закрасить свою подлость, имели нужду в деньгах... они были всегда правы в судах, а на них не было

ни суда, ни управы. Опричник... мог безопасно теснить, грабить соседа, и в случае жалобы брал с него пеню за бесчестье», – так писал об опричнине Н. М. Карамзин⁵.

Не менее важна и культурно-идеологическая составляющая этого мифа: образ жизни царя и его фаворитов в Александровской слободе, широкое использование карнавальной по своей природе символики (монашеской одежды, метлы и собачьей головы) в атрибутике опричнины, изощренные зрелищные казни – все это стало культурным шоком и для современников царя, и для его потомков. В общественном сознании XVI–XX вв. опричнина предстает как «нечто величественное и ужасное... выросшее из истинно русской почвы, где в равных пропорциях смешались деспотизм, святость и скоморошество. Нечто пугающее и одновременно завораживающее взор, сквозь века притягивающее умы и сердца людей», – утверждает историк Д. М. Володихин⁶.

В. Сорокин также акцентирует внимание на ее социально-психологических составляющих: «...опричнина... хоть и просуществовала всего 6–7 лет, впрыснула в сознание народа своеобразный яд. Человек, приближенный к власти, любой человек, даже самый маленький и ничтожный, может стать оккупантом в собственной стране. И вести себя как оккупант по отношению к населению. Опричники так и вели себя...»⁷

Поэтому обращение Сорокина к теме опричнины закономерно. В основе его художественной картины мира исследователи выделяют понятие травмы – в таком контексте его творчество рассматривают М. Липовецкий, А. Эткинд, В. Щербенок и др. Травма в данном случае является характеристикой катастрофического состояния постсоветской культуры, обусловленного ощущением потери. «День опричника» также реализует эту общую тенденцию: «...метафора опричнины верно, пусть и с переклестом, показывает катастрофический характер общества, в котором мы жили и продолжаем жить»⁸.

Стремление к поиску травматических состояний, определяющих ход исторического процесса, формирует специфику авторской концепции истории: «...лежащая в основе сорокинского восприятия истории травма делает невозможным концептуализацию истории как диалектического процесса... тексты Сорокина представляют собой артикуляцию российского исторического сознания, сформировавшегося на основании травматического опыта 80–90-х», – утверждает А. В. Щербенок⁹.

Что же входит в понятие травмы для В. Сорокина, точнее – о травме чего пишет автор? В одном из своих интервью, данном после выхода книги, он заявил: «...если говорить всерьез об опричнине, об этом зловещем феномене, то парадокс в том, что она не была описана в литературе... Грозный казнил всю верхушку опричнины и... под страхом смерти запретил употреблять это слово... Что же

произошло? Если вспомнить старика Фрейда, то произошло как бы вытеснение травмы – явление было вытеснено из народного сознания в подсознание. А раз оно не описано, не названо своим именем, значит, живо. И до сих пор работает. Что, собственно, и доказано всей путинской эпохой. Опричнина, на самом деле, жива»¹⁰.

Художественные средства, которые автор использовал для репрезентации своей исторической концепции, являются дальнейшим развитием приемов, применявшихся им в более ранних произведениях. Наиболее заметной чертой художественного мира В. Сорокина является «сфера эротики и эпатажа сексуальностью человека, присутствие мазохистских и перверсивных сцен»¹¹. М. Н. Липовецкий охарактеризовал его поэтику как «перенос дискурсивности на уровень телесности» и предложил для его характеристики новый термин – «карнализация»¹².

О содержании «Дня опричника» рецензент Л. Данилкин писал, что этот текст «состоит из гэгов – классических сорокинских, проверенных временем... непременная гомосексуальная сцена, озорное групповое изнасилование, жаркий спор о мнимо общеизвестном, матерная интермедия... наркотическая галлюцинация, наконец, шутейное членовредительство»¹³.

Описание этих эпизодов в сумме формирует картину жизни в опричной России XXI в., так как «у Сорокина дискурсивный исторический контекст как раз и составляет сюжет, а конкретные фабульные ходы – лишь форма, в которой выражаются исторические коллизии»¹⁴.

В этой повести описан один день из жизни «коренного» московского опричника Андрея Комяги, в течение которого герой-рассказчик посетил в Москве церковь, царские палаты в Кремле, побывал в боярской усадьбе, бане, на концерте и во многих других местах, а также слетал в Оренбург и Тобольск. Столь обширная топология романа позволила автору представить широкую панораму опричной России и описание жизни ее политической элиты.

Чем же отличается Россия-2027 от России современной? В первую очередь – заявленной автором «изоляцией». Для реализации этой идеи автор окружает всю страну Великой Русской Стеной. Это инженерное сооружение было возведено, «дабы отгородиться от смрада и неверия, от киберпанков проклятых, от содомитов, от католиков, от меланхоликов, от буддистов, от садистов, от сатанистов, от марксистов, от мегаонапистов, от фашистов, от плюралистов и атеистов»¹⁵. Начало ее строительства ознаменовало начало Новой Эры. Закладке этой стены предшествовало знаковое событие – массовое добровольное сожжение загранпаспортов: «...восемнадцать лет тому назад... на Красной площади жег народ наш свои загранпаспорта» (176).

О размерах Стены ничего определенного не сказано, но очевидно, что в эпоху информаци-

онных технологий и водородных двигателей подобная конструкция никакого военного значения иметь не может, а представляет собой объект режимный и культовый, некий материальный символ изоляции. Эта политика реализуется, прежде всего, в информационной сфере, поэтому в новой России на книжных лотках отсутствуют иностранные книги, а средства массовой информации работают в условиях жесткой цензуры. Поэтому «отечественные отщепенцы... смотрят-слушают по ночам» (99) передачи из-за рубежа: ««Свобода России!» хнычет о “замордованной воле”, старообрядческая “Посолонь” бормочет о продажности высших иерархов РПЦ. “Русский Рим” передает визгливый обезьяний джаз» (103), – рассказывает Комяга.

Таким образом, в новой монархической России реставрирована политика культурной изоляции, известная как «железный занавес». Но «занавес» этот установлен исключительно с западной стороны, а вот со стороны Китая он вполне проницаем – в моде китайские интерьеры, дети играют в китайские компьютерные игры и учат китайский язык.

В итоге Владимиру Сорокину не удалось полностью изолировать Россию, чтобы она «погрузилась в свое прошлое». Отгородившись «от чуждого извне, от бесовского изнутри» (48), его Русь просто сменила ориентацию на Европу равнением на Китай, поэтому, продолжая авторскую метафору, следует считать, что она не только «погружается в свое прошлое», но и активно «дрейфует на юго-восток».

Но эта культурная и экономическая экспансия Китая при всей ее масштабности все же не затрагивает фундаментальных основ российского бытия. Великая Русская Стена свою главную задачу все же выполняет: консервирует систему отношений, основанных на государственном произволе, массовом терроре и всеобщей коррупции.

Кроме Великой Стены в «Дне опричника» есть другие материальные символы, которые в высокотехнологичном мире XXI в. выглядят совершенно нефункциональными и представляют собой скорее карнавальные аксессуары, такие как отрубленная собачья голова на капоте и метла на багажнике комягинского «мерина». Они не просто символизируют возвращение к старине, но и выполняют роль культурных кодов, позволяющих реставрировать систему ценностей и моральных норм прошлого, ставших новой исторической реальностью. Прием «карнализации», о котором писал М. Липовецкий, работает у В. Сорокина на всех уровнях текста, в том числе и на вещественно-бытовом.

Следует отметить, что в описании новой России в глаза бросается, прежде всего, именно обилие анахронизмов, символизирующих возврат к старине. Их наличие прослеживается во всех сферах быта. Так, в усадьбе «столбового», сожжённой опричниками, главный герой, выступающий здесь

в роли рассказчика, как привычное явление отмечает сочетание высокотехнологичных кухонных приборов и классической русской печи: «...тут тебе... и печи замысловатые с лучами горячими да холодными, и хай-тек заморский, и вытяжки заковыристые, и холодильники прозрачные да с подсветкою... а посередке – печь русская, широкая, белая» (35–36).

А в сфере общественных отношений таким глобальным символическим анахронизмом становится институт опричнины, выполняющий здесь функцию «героического образа» из прошлого, в которое успешно погружается сорокинская Россия. Опричнину нельзя рассматривать как государственный орган, поскольку никакими формальными признаками государственной службы она не располагает: у опричников нет служебных кабинетов и следственных камер, нет званий – но есть коренные и молодые, нет официальной формы – зато имеются многочисленные внешние атрибуты: серьга-колокол, собачья голова и метла, золоченые чубы, тесовые дубины и ножи, а также упомянутые красные «мерседесы».

Опричники не расследуют заговоры, не проводят обысков и допросов, так как их методы принципиально иные. Комяга начинает свой день с «наезда» на усадьбу опального «столбового». Это понятие включает ритуальный поединок с охраной, групповое изнасилование его жены, сожжение дома и повешение хозяина: «...волокут опричники столбового за ноги от крыльца до ворот в последний путь... за ним метлами след замечают, чтоб следов супротивника Делу Государеву в России не осталось... Миг – и закачался Иван Иванович в петле, задергался, захрипел, засопел, запердел прощальным пропердом. Снимаем шапки, крестимся. Надеваем. Ждем, покуда из столбового дух изыдет» (37). Таким образом, в этом эпизоде девять опричников выступили одновременно и в роли группы захвата, и в качестве палачей.

Следует также отметить, что эта казнь носила характер ритуального демонстративного убийства, так же как и все остальные акции опричников: «...не один красный петух кукарекал на заре в столбовых усадьбах... не одного вестника спустили с башни Останкинской с крыльями утиными в жопе, не одного смутьяна-борзописца утопили в Москва-реке...» (49).

Но массовый террор – это только часть их деятельности. Функции опричнины включают также контроль над культурой, экономикой и внешней политикой: «...на приеме Государем иноземных грамот верительных мы, опричные, теперь... держим чашу впополаме с посольскими» (105–106).

В то же время у опричнины имеются и личные интересы в деле охраны государства, поэтому, кроме названных дел, Андрей Комяга успел в тот же день получить взятку от балерины Козловой, а также слетать в Оренбург, чтобы заставить китайских торговцев оформить трехпроцентную «опричную» страховку.

Однако опричнина для самих опричников все же нечто большее, чем коррумпированная организация, созданная для добывания денег. Жизнь в опричнине, по словам главного героя, это совершенно особое мироощущение: «... так хорошо стало, так правильно, так целокупно в душе, так покойно-беспокойно, так ответственно, – и понимаешь, что и жизнь удалась, и силушка имеется, и к делу великому ты сопричастен, и ждут тебя сообщники, парни удалые, и работы горячей невпроворот, и врагов не поубавилось, и Государь наш жив-здоров, а главное – Россия жива, здорова, богата, огромна, едина...» (128), – размышляет Комяга после коллективного наркотического транса.

Еще одна из его мыслей – «в опричнину не уходят. Ее не выбирают. Она тебя выбирает. Или, точнее, как говорит сам Батя... “В опричнину вносит, как волной”... Но и вынести может волна та. Вынесет в одночасье, бесповоротно. Вот это – хуже смерти. Из опричнины выпасть – все одно, что обе ноги потерять. Всю жизнь потом не ходить, а ползать придется...» (53).

Очевидно, что основной ценностью для опричника являются все же не деньги, а власть, которую дают «причастность к великому делу» и «сообщники», вместе с которыми можно упиваться этой неограниченной властью и чувством вседозволенности, сознанием своей значимости.

Следует подчеркнуть, что эти чувства не могут статично ощущаться как данность – они должны интенсивно переживаться в конкретных действиях и ситуациях, воплощаться в неких знаково-физиологических актах. Такие акты проводятся в описанный день неоднократно: здесь и коллективное изнасилование, и массовое гомосексуальное совокупление в бане, и групповое убийство графа Урусова, а завершается день еще одной, теперь уже садомазохистской, игрой – «сверлением ног»: «опускаем дрели под стол, включаем и стараемся с одного раза попасть в чью-то ногу» (278–279).

Эти физиологические акты и связанные с ними ощущения и эмоции пронизывают весь текст. Механизм перехода телесной чувственности в своеобразную духовность и последующая обратная ее редукция в элементарные физические ощущения (боль, страх и проч.) изображаются автором неоднократно.

Созданная метафора опричнины становится главным средством репрезентации авторской концепции истории, поскольку в художественном мире В. Сорокина главные конфликты, движущие исторический процесс, лежат в области коллективного бессознательного.

Привычная оппозиционность власти со стороны образованных кругов смыкается со стихийным недовольством низов – ведь жены столбовых настраивают юродивых, которые несут сплетни о разгульной жизни Государыни в народ: «... жены столбовые, мне завидующие, юродивых настраивают, а те народ мутят. От жен столбовых через юродивых в народ ветер крамольный дует...»

(216), – объясняет Государыня Комяге.

Противниками существующей власти становятся и родственники репрессированных. В тексте повести описана случайная встреча Комяги с Анастасией Петровной Штейн-Сотской, дочерью думского дьяка Сотского, которого обезглавили на Красной площади после одного из первых «судебных» процессов. Эта встреча наталкивает Комягу на невеселые размышления о том, что «вот сидит рядом человек, навсегда обиду затаивший. И не только на нас, опричных, но и на самого Государя. И с человеком этим уже ничего поделаться нельзя... И ведь таких людей после всего – сотни сотен. А с детьми да с мужьями-женами – тысячи тысяч» (154).

Образ жизни сорокинской России не предполагает возможности позитивного развития, напротив, все существующие конфликты находят выход в терроре и насилии. Такое положение дел, чреватое новым витком насилия и произвола, является постоянным и продлевает состояние социально-психологической травмы. Не случайно обиженная пасквильантами Государыня ищет главную причину общей ненависти к ней в характере народа: «... это народ наш дикий!.. Завистливы они, потому как раболепны. Подъелдыкивать умеют. А по-настоящему нас, властных, не любят. И никогда уже не полюбят. Случай представится – на куски разорвут» (215).

Анализ текста произведения позволяет утверждать, что специфика исторической концепции В. Сорокина заключается не только в «метафизике места», но и в «метафизике времени» – особых периодах в истории России, в течение которых «травматические противоречия» в общественном сознании, о которых писал В. Щербенок, вырываются из общественного коллективного подсознания в область социального поведения.

Мысль о том, что история России представляет собой циклическое чередование отдельных кризисных эпох, разделяемых вспышками произвола и государственного насилия, В. Сорокин дополнил идеей «травмы», т. е. помещением «внеисторической модели» такого общественного поведения в область национального сознания. Поэтому опричнина в его произведении становится не временным состоянием катастрофы, неким «черным пятном» в нашей истории, а устойчивым состоянием российской действительности, чреватым повторением в ближайшем будущем. Таким образом, мифологема опричнины, реализация методом художественной карнализации, становится универсальной характеристикой российской государственности.

Примечания

- 1 См.: «Насилие над человеком – это феномен, который меня всегда притягивал...». Интервью Т. Восковской с В. Сорокиным // Русский журнал. 1998. URL: http://modernlib.ru/books/sorokin_vladimir_georgievich/

- intervyu_tatyani_voskovskoy_s_vladimirom_sorokinim/read_1 (дата обращения: 30.09.2016) ; Сорокин В., Соколов Б. Россия остается любовницей тоталитаризма // Грани.Ру. 23.03.2005. URL: <http://mirgor712.graniru.info/Culture/Music/m.86612.html> (дата обращения: 12.10.2016).
- ² Липовецкий М., Эткинд А. Возвращение тритона : Советская катастрофа и постсоветский роман // Нов. лит. обозрение. 2008. № 94. С.185.
- ³ Сорокин В., Соколов Б. Опричнина – очень русское явление // Грани.ру. 21.08.2006. URL: <http://www.graniru.info/Culture/Literature/m.110108.html> (дата обращения: 10.10.2016).
- ⁴ Сорокин В., Витухновская А. Кольцо опричнины. О романе Владимира Сорокина «День опричника» // Русский журнал. 2007. № 4. URL: <http://www.russ.ru/pole/Kol-so-oprichniny> (дата обращения: 10.10.2016).
- ⁵ Карамзин Н. История государства Российского : в 4 кн. Кн. 3. Ростов н/Д, 1994. С. 331.
- ⁶ Володихин Д. Опричнина и «псы государевы». М., 2010. С. 3.
- ⁷ Трефилова А. Сорокин В. Тень опричника. Владимир Сорокин как писатель и как предсказатель // Дилетант. 2012. № 1. URL: <http://ru-sorokin.livejournal.com/233463.html> (дата обращения: 10.10.2016).
- ⁸ Липовецкий М., Эткинд А. Указ. соч. С. 185.
- ⁹ Щербенок А. Сорокин, травма и русская история // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 210.
- ¹⁰ Трефилова А. Указ. соч.
- ¹¹ Собиянэк К. Прогнозирование будущего России в романе-антиутопии «День опричника» В. Г. Сорокина // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. Вып. 4 (30). Екатеринбург, 2009. С. 37.
- ¹² Липовецкий М. Сорокин-троп : карнализация // Нов. лит. обозрение. 2013. № 2 (120). С. 226.
- ¹³ Данилкин Л. Афиша. 23 августа 2006. URL: <http://www.afisha.ru/book/858/review/152421> (дата обращения: 11.10.2016).
- ¹⁴ Щербенок А. Указ. соч. С. 211.
- ¹⁵ Сорокин В. День опричника. М., 2009. С. 274. Далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

Образец для цитирования:

Лобин А. М. Концепция истории В. Сорокина и ее художественная репрезентация в повести «День опричника» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 109–113. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-109-113.

Cite this article as:

Lobin A. M. V. Sorokin's Concept of History and Its Artistic Representation in the Novel *Day of the Oprichnik*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 109–113 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-1-109-113.